

Е. Т. ЧЕРКАСОВА

К ВОПРОСУ О САМОБЫТНОСТИ СИНТАКСИЧЕСКОГО СТРОЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

В последнее время в работах некоторых зарубежных лингвистов наметилась тенденция к отрицанию самобытности русского литературного языка. Наиболее резко эта тенденция выразилась и выражается в последних статьях Б. О. Унбегауна, в частности в его рассуждениях о синтаксическом строе русского литературного языка, который, являясь церковнославянским, «был русифицирован лишь незначительно, да и то не на ступени предложения, особенно сложноподчиненного, а главным образом на низшей ступени словосочетаний»¹.

Против этого утверждения Б. О. Унбегауна говорит не только наличие сложных (в том числе и сложноподчиненных) предложений в памятниках «нелитературного» русского языка (например, в «Русской правде»). Еще более показательна в этом плане история русских союзов, являющихся одним из главных структурных элементов, конституирующих сложное предложение.

Как известно, состав русских союзов с исторической точки зрения неоднороден. Одни из них — почти все первообразные и незначительная часть производных (типа *ибо*, *небо*, *зане*, *аще* и т. п.) унаследованы из общеславянского фонда или пришли из старославянского. Другие (преобладающая часть производных союзов) сложились уже на русской почве. Состав этих союзов почти полностью обновился за счет новообразований, возникающих главным образом именно в «нелитературных текстах» (так именует О. Б. Унбегаун те памятники русской письменности — и прежде всего памятники деловой речи, — в которых наиболее широко отражение получила живая народная струя). Старые, унаследованные из общеславянского или старославянского, производные союзы были вытеснены новыми, собственно русскими²: союз *аще*, нерасчлененно выражавший условные и уступительные отношения, был вытеснен собственно русскими союзными новообразованиями типа *хотя* (XIII—XIV вв.), с одной стороны, типа *если* (*ежели*, *буде* и т. п.), с другой (XIV—XV вв.)³; причинные союзы типа *небо*, *зане* и т. п. заменились сложными союзами относительного типа (*потому что*, *оттого что* — XV—XVII вв., *вследствие того что*, *благодаря*

¹ Б. О. Унбегаун, Историческая грамматика русского языка и ее задачи, сб. «Язык и человек. Сб. статей памяти проф. П. С. Кузнецова (1899—1968)», М., 1970, стр. 266.

² Е. Т. Черкасова, Изменения в составе союзов, в кн.: «Глагол, наречие, предлоги и союзы в русском литературном языке XIX в.» (Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в.), М., 1964. Употребительность союза *ибо* (из *и* + *бо*), редко использовавшегося и ранее (и притом — в текстах сугубо книжного характера), угасает.

³ Б. В. Лавров, Условные и уступительные предложения в древнерусском языке, М.—Л., 1941, стр. 115—128, 39—115.

тому что и т. д.— XVIII—XIX вв.), сложившимися в недрах деловой письменности⁴; временные союзы типа *егда*, *дондеже* и т. п.— союзами типа *когда*, *до тех пор пока* и т. п.⁵

В этой связи особого рассмотрения заслуживает одно из таких также собственно русских новообразований — союз *дабы* — и именно потому, что рядом исследователей он причисляется к «церковнославянизмам»⁶.

Семантические предпосылки для образования этого союза имелись еще в общеславянском: в связи с употреблением форм аориста глагола *быти* в составе описательных форм условного наклонения (*пришелъ быхъ*, *пришелъ бы* и т. д.) в этих формах развилось условно-желательное значение. Аналогичное значение («желательности») было присуще и первому компоненту будущего союза: в слове *да* это значение реализовалось при его употреблении в качестве составной части описательной формы повелительного наклонения (слав. *да приидетъ*, др.-русс. *да приидеть*) и в качестве целевого и ирреально-изъяснительного союза (*да быхъ пришелъ*, *да бы пришелъ* и т. д.)⁷.

Однако основной для союзных образований формальный признак (неизменяемость) во втором компоненте будущего союза (*бы*) первоначально отсутствовал. Этот признак *бы* приобретает уже на русской почве (XIII—XIV вв.). В связи с утратой согласования собственно глагольной части форм условного наклонения (*быхъ*, *бы* и т. д.) с подлежащим и с причастием на -*ль* центром глагольности становится бывшая причастная форма, а из всей системы форм аориста вспомогательного глагола *быти* удерживается только форма 2—3 лица ед. числа *бы*, превращающаяся в неизменяемую частицу, в «простой грамматический выразитель модальности предложения»⁸. Такое *бы* становится способным отделяться от формы на

⁴ Е. Т. Черкасова, К истории союзов относительного типа, «Зборник за филологију и лингвистику», II—III, Нови-Сад, 1959—1960.

⁵ Р. Д. Оганесова, Образование собственно русских временных союзов местоименного происхождения. Канд. диссерт., М., 1965.

⁶ С пометой «церковнославянизм» союз *дабы* приводится в работах: Л. А. Булаховский, Русский литературный язык первой половины XIX в., М., 1954, стр. 401; Э. И. Коротаева, Союзное подчинение в русском литературном языке XVII-го века, М.—Л., 1964, стр. 70, 225; М. С. Бунина, Из наблюдений над целевыми союзами современного русского литературного языка, «Уч. зап. МГПИ им. В. П. Потемкина», XII, Кафедра русского языка, 4, 1957, стр. 213; О. П. Беспалько, Нариси з історичного синтаксису української мови, Київ, 1960, стр. 192, 193. С той же пометой выступает и союз *абы* (см.: «Словарь русского языка, сост. Вторым отд. имп. Акад. наук», I, вып. 3, СПб., 1895; А. Преображенский, Этимологический словарь русского языка, М., 1958). Столь же необоснованным представляется отнесение к церковнославянизмам и союза *ежели* (см.: Б. В. Лавров, указ. соч., стр. 88; П. Я. Черных, Историческая грамматика русского языка, М., 1952, стр. 276, и др.). Наличие разных форм этого союза (*ежели* и *ели*) в русских диалектах и широкое его распространение в просторечии делают вероятным предположение, что этот условный союз сложился в недрах живой народной речи, а отсюда (уже в готовом виде) сравнительно поздно (XVII в.) провик в письменную речь. В новом своем виде (*ежели*) этот союз в памятниках старославянской и церковнославянской письменности не встречается (в этих памятниках находим только *ели*).

⁷ Например: *И мѣне николиже не даль еси козляте да съ друзгы моими възвеселилъ ся бымь*. Лука. 15, 29 (Зографск., Маринск., Остромир. ев.). До XIV в., а пережиточно и позднее конструкции этого типа обычны и в древнерусской письменности, например: *Просяще зятя своего Данила и Олександра да быша затеорилиста въ Галиче* (Ипат. л., л. 249 об.); *Повели ми, да быхъ и азъ поставиль кандило* (Жит. и хож. Дан.) и мн. др.

⁸ В. В. Виноградов, Русский язык, М.—Л., 1947, стр. 725. Формы аориста, еще употреблявшиеся в XII—XIII вв., как известно, позднее (XIII—XIV вв.) в живой народной речи утрачиваются; наличие этих форм в более поздних памятниках — явление пережиточного характера, отмечаемое главным образом в памятниках церковно-книжной письменности.

-лѣ и выражать модальность, но лишь в соединении с другими словами, в частности с союзами⁹.

Зарождение составных союзов, включающих в себя частицу *бы*, хронологически совпадает с утратой условно-желательным *бы* глагольности, что было связано с судьбой аориста в русском языке и с возникновением конструкций, в которых причастие на -лѣ выступает со связкой в форме настоящего времени (типа *да бы есть пришесть*)¹⁰. Завершающим этапом в процессе слияния компонентов союза *дабы*, протекавшим также на русской почве, было закрепление строго определенного места за каждым из его компонентов — непосредственная постпозиция *бы* по отношению к союзу (*да*), вводящему придаточную часть, и препозиция по отношению к формам на -лѣ (*моляся дабы простилъ ему*)¹¹.

Таким образом, в древнейший период имелась лишь одна предпосылка для превращения *да* и *бы* в компоненты составного союза — развитие семантической их соотнесенности с соответствующими модальными союзами (возникновение в этих словах значения оптативно-гипотетической модальности, близкого к семантике ирреально-изъяснительных и условных союзов). Все же остальные предпосылки создавались позднее, уже на почве русского языка, а именно: 1) приобретение вторым компонентом союза *дабы* формального признака слов, принадлежащих к разряду союзов (признака неизменяемости); 2) возникновение конструкций, где данное сочетание (*да бы*) употребляется при глагольных формах на -лѣ, выступающих со связкой в форме настоящего времени (типа *да бы есть пришесть*); 3) закрепление строго определенного места за обоими компонентами.

Все эти процессы были тесно связаны с изменениями синтаксического характера. Союзы, как известно, «возникают из самостоятельных слов, и их превращение в слова служебные всегда является следствием какого-то сдвига в членении предложения»¹². В ряде работ было показано, как происходили эти сдвиги, был раскрыт «механизм союзообразования» и показан национальный характер этого процесса: система служебных слов (а следовательно — и система конструкций, в построении которых эти слова принимают участие) для иноязычных элементов (даже близкородственных) оказалась почти непроницаемой.

Наиболее ранние из известных нам примеров употребления *дабы* (*да бы*) в качестве союза (целевого или ирреально-изъяснительного) отмечаются в памятниках с XIV в.:

а) С формой прошедшего времени: *Послися къ брату своему Володимеру дабы ти помогалъ* (Лавр. л., л. 42 об.—43, 1377 г.); б) с инфинитивом: *Тицание всяко творяще да бы обрести мужа такового* (Г. Амарт., л. 239г—240а, XIII—XIV в.).

⁹ Сама по себе эта условно-желательная частица функции союза выполнять не может; употребление *бы* в этой функции — явление исключительно редкое и для русского языка нехарактерное. Единичные примеры такого рода можно встретить лишь в памятниках западнорусской письменности XVI—XVII вв., а также в некоторых говорах русского, украинского и белорусского языков. Например: [Алексей] *Буду только горячо бога о тое благи, Бы победу рачилъ ти надъ врагами дати* (Алексей божий человек, II, 5); *Молодцы бы на конях бы свечи де жорят, кони под ними бы соколы бы летят* (Рыбн., III, 12). Примеры из кн.: А.А.Потеня, Из записок по русской грамматике, I—II, М., 1958, стр. 278.

¹⁰ См. об этом: А.А.Потеня, Из записок по русской грамматике, I—II, стр. 279.

¹¹ Отличительная черта частицы *бы*, как известно, — ее подвижность: эта частица могла отделяться от формы на -лѣ (ср.: *пришесть бы и бы пришесть*), могла быть и дистантной по отношению к соответствующему союзу (ср.: *Моляся ему да простилъ бы ему...* Г. Амарт., л. 243а).

¹² Г. Пауль, Принципы истории языка, М., 1960, стр. 436.

В русском языке общее направление сдвигов в членении предложений этого типа было связано с изменением синтаксической роли того слова, которое становится компонентом зарождающегося союза; в рассматриваемом здесь случае это было связано с утратой предикативности¹³ в той части союза, которая восходит к *verbum finitum*: *бы*, ранее выполнявшее в предложении предикативную функцию (составная часть формы условного наклонения, выступающей в роли сказуемого), позднее сливается с предшествующим союзом. Иначе говоря, структура придаточной части изменяется: сказуемое этой части, ранее (в старославянском, церковнославянском и русском языке древнейшей поры) выражавшееся формой условного наклонения (*да быхъ пришелъ*, *да бы пришелъ* и т. д.), позднее (с XIV в.) выступает в форме прошедшего времени (*дабы пришелъ*). Значение же «предположительного» наклонения (А. М. Пешковский) вносится в конструкции данного типа модальным союзом (*дабы*, *чтобы* и т. д.) в соединении с этой формой¹⁴.

Почти одновременно (XIV—XV вв.) на русской же почве по этому образцу создаются и другие союзы: *абы*, *чтобы* (и его синонимы — *еже бы*, *оже бы*, *иже бы*, *аже бы*), *якобы* и условный *кабы* (из *как бы*).

Дальнейшая судьба союзных образований данного типа была неодинаковой. Союз *дабы*, занимавший первоначально господствующее положение, позднее (к XVII в.) это положение утрачивает: архаизировавшийся уже к концу XVIII в., в современном русском языке он используется (и только в целевом значении) лишь как стилистически маркированный элемент. В общелитературном же употреблении укрепляется союз *чтобы*, оба компонента которого сложились на русской почве (союз *что* и частица *бы*): он становится основным, стилистическим нейтральным грамматическим средством выражения значения объективной модальности в целевых и ирреально-изъяснительных конструкциях. В этом находят выражение общие тенденции в развитии русского литературного языка — тенденция к замене элементов языка, унаследованных из старославянского, собственно русскими (*что* вместо *да*), с одной стороны, тенденция к вытеснению синтаксически неоднозначных компонентов союзов компонентами синтаксически однозначными, с другой; таким был собственно русский союз *что*, четко и определенно выражающий общую идею подчинения; союз же *да* и в русском языке древнейшей поры, и в более раннюю эпоху, как известно, был способен выражать и подчинительные, и сочинительные связи¹⁵.

¹³ С утратой предикативности было связано и образование союзов типа *ес(ть)ли*, *буд(ь)то* и др. В других случаях происходило превращение свободного сочетания слов в грамматический идиоматизм (*по тому что* из *по тому указу что*) или редукция предикативной единицы (*благо из благо то, что*; *даром что* из *даром то, что*).

¹⁴ Неверным поэтому представляется определение сказуемого в придаточной части, вводимой союзами типа *дабы*, как формы сослагательного наклонения (см.: «Грамматика русского языка», 2, ч. 2, М., 1954, стр. 285; P. G a r d e, L'emploi du conditionnel et de particule *by* en russe, Paris, 1963, стр. 16).

¹⁵ В более ранней работе (Е. Т. Черкасова, Изменения в составе союзов, стр. 281) автор данной статьи, опираясь на высказывания своих предшественников, отнес союз *дабы* к «церковнославянизмам». Однако монографическое исследование (Е. Т. Черкасова, Русские производные союзы неместоименного происхождения — в печати) показало, что это не так. Показательно, что в «Словаре церковнославянского языка» А. Х. Востокова (СПб., 1858) и в «Slovník'e jazyka staroslověnského» (вып. 9, Praha, 1965) слово *дабы* в отдельную словарную статью не выделяется. В этих словарях (так же, как и в «Материалах» И. И. Срезневского) приводятся (в словарной статье «Да») лишь сочетания союза *да* с изменяемыми формами *быхъ*, входящими в состав аналитических форм условного наклонения (*да быхъ ходилъ*, *да бы ходилъ*, *да не бы ходилъ* и т. д.). В Словаре Ушакова союз *дабы* приводится с пометой «книжн., устар.» (а не «церк.-слав.»).

Перечень аналогичных фактов можно было бы продолжить. В исследованиях советских лингвистов, построенных на конкретном анализе огромного материала, извлеченного из самых разнообразных источников (памятники древнерусской письменности, фольклорные и диалектологические записи, показания близкородственных и других языков и т. д.), для этого имеются вполне убедительные и притом строго документированные данные. Эти данные свидетельствуют о том, что синтаксический строй русского языка не только на «низшей», но и на самой «высокой ступени» (сложное, в частности — сложноподчиненное предложение), в противность утверждению Б. О. Унбегауна¹⁶, изначально развивался по собственному пути.

Роль церковнославянской традиции в развитии русского литературного языка неоспорима. Но, как показывает рассмотренный выше случай, решение вопроса о степени участия церковнославянских и русских элементов в этом процессе не всегда опирается на собственные наблюдения, на глубокое изучение конкретных фактов языка. А между тем именно такое изучение позволяет избежать крайностей — отрицания самобытности русского языка, с одной стороны, игнорирования роли церковнославянских элементов, с другой.

¹⁶ Б. О. Унбегаун, *Le russe littéraire est-il d'origine russe?*, RĚSL, XLIV, 1965.